

С. В. Мартынов

Печорский край

**Очерки природы и быта.
Население, культура,
промышленность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. В. Мартынов**
Печорский край: Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность / С. В. Мартынов – М.: Книга по Требованию, 2019. – 284 с.

ISBN 978-5-4241-9155-8

ISBN 978-5-4241-9155-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Д-ръ С. В. Мартыновъ, находящійся въ настоящее время на Дальнемъ Востокѣ, поручилъ мнѣ напечатать его книгу о „Печорскомъ крайѣ“. Съ тѣмъ большей радостью взялся я за исполненіе его желанія, что мнѣ, быть можетъ болѣе чѣмъ кому-либо, было извѣстно, насколько книга эта была для Сергѣя Васильевича не только результатомъ значительной и любовной работы, но и живымъ напоминаніемъ тѣхъ исключительныхъ условій его жизни, среди которыхъ она возникла и создалась. При этомъ считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о фактической сторонѣ этихъ условій. С. В. Мартыновъ оказался на Сѣверѣ по винѣ „независящихъ обстоятельствъ“. Принявъ участіе въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, онъ, въ числѣ другихъ дѣятелей, подвергшихся знаменитому въ свое время разгрому, былъ высланъ въ Архангельскую губернію, и здѣсь, годъ спустя, принялъ участіе въ снаряженной, по инициативѣ управляющаго казенной палатой А. П. Ушакова, экспедиціи для изслѣдованія санитарно-бытового состоянія Печорскаго края. Во время работы по вопросамъ этого изслѣдованія С. В. велъ дневникъ, изъ записей котораго и составила настоящая книга. На ней не могли не отразиться неблагопріятныя для работы условія вдали отъ хорошей библіотеки, необходимыхъ справочниковъ и пособій, но, съ другой стороны, читатель оцѣнитъ въ ней мѣткую наблюдательность автора, его живой и полный дѣятельнаго сочувствія интересъ къ природѣ и людямъ Сѣвера, его горячее желаніе указать обществу на неотложныя духовныя и матеріальныя нужды края.

Дѣятели просвѣщенія и культуры найдеть въ книгѣ С. В. Мартынова богатый и разнообразный матеріалъ для указанія путей и способовъ, при посредствѣ которыхъ граждане великой обновляющейся Россіи могли бы распространить свою плодотворную культурную работу и на оторванную пока и несправедливо забытую сѣверную окраину.

Годъ спустя, въ 1904 г., Сергѣй Васильевичъ, изъ любви къ Сѣверу, согласился сопровождать меня въ моей поѣздкѣ по Печорскому краю и совершилъ, такимъ образомъ вторично, продолжительное и во многихъ отношеніяхъ тягостное путешествіе. Во время долгихъ бесѣдъ то въ лодкѣ, то въ тряской телегѣ, спутникъ мой часто обращался мыслью къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя привели его на Сѣверъ. При этомъ онъ обнаруживалъ несокрушимый оптимизмъ: „Вѣдь вотъ,—говаривалъ онъ,—казалось бы возмутительное дѣло: за ревность къ общественному благу человека схватили, посадили въ тюрьму, подъ конвоемъ отправили въ сѣверныя трупцы, а въ итогѣ выходитъ—одно удовольствіе для души и сердца: необыкновенная природа, отличные люди, великолѣпное начальство... Никогда не перестану чувствовать особую признательность къ тѣмъ лицамъ, просвѣщенному содѣйствію которыхъ обязанъ я своей возможностью поработать на Сѣверѣ“. Неистощимое добродушіе, съ которымъ С. В. производилъ эти слова, далеко не отнимало у него благородной рѣшимости бороться всѣми доступными въ его положеніи средствами съ различными формами произвола и насилія, встрѣчавшимися, къ сожалѣнію, весьма нерѣдко при господствовавшемъ положеніи вещей.

Будемъ надѣяться, что книга С. В. Мартынова остановитъ на себѣ вниманіе читателей и принесетъ свою долю пользы тѣмъ изъ нихъ, кто раскроетъ ее съ любовью къ истинѣ и стремленіемъ къ культурному прогрессу родной страны.

Евг. Ляцкій.

20 сентября, 1905 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Архангельская губернія, благодаря своей обширности, ничтожному населенію, труднымъ, а частью вовсе первобытнымъ путямъ сообщенія и отдаленности отъ центровъ умственной жизни Россіи,—ещё очень недостаточно извѣстна. Относительно нея существуютъ два діаметрально противоположныя мнѣнія. Одни видятъ въ ней дѣйствительную страну—новую Калифорнію—съ неисчерпаемымъ, еще нетронутымъ источникомъ почти всѣхъ богатствъ водныхъ и земныхъ и требуютъ отъ государства затраты громадныхъ средствъ на постройки новыхъ городовъ, пристаней и рельсовыхъ путей къ незамерзающимъ портамъ; другіе смотрятъ на нее, какъ на губернію съ весьма ограниченными средствами и силами. Отсюда рядъ постоянно колеблющихся, нерѣшительныхъ законоположеній, относящихся къ губерніи, и отсутствіе строго установленнаго на нее взгляда правительства и администраціи. Прочную точку опоры и отправленія для примѣненія къ ней положительныхъ мѣръ можетъ дать, очевидно, только точное и всестороннее изученіе края.

Къ одной изъ наименѣе извѣстныхъ областей Архангельской губерніи относится Печорскій край, для ознако-

мленія съ которымъ лѣтомъ 1903 года управляющимъ казенною палатою А. П. Ушаковымъ была организована экспедиція въ завѣдываніи врача. Не одно только изученіе экономическаго положенія этого края и этнографическихъ его особенностей, но и знакомство съ санитарными условіями селеній, съ культурно-бытовой стороной населенія, его питаніемъ, условіями его жилища и промысловъ, его заболѣваемостью и системой доставляемой ему врачебной помощи должно лежать въ основѣ знакомства со страной, представляющей еще и теперь *terra incognita*, гдѣ воображеніе можетъ рисовать себѣ все, что угодно, по своему произволу.

Можно только пожалѣть, что недостатковъ средствъ и краткость времени, а, главнымъ образомъ, архаическій способъ передвиженія ставили экспедицію въ крайне стѣснительное положеніе и не только не позволяли произвести правильное изученіе края, но даже посѣтить наиболѣе отдаленныя его мѣста, почему настоящая работа представляетъ собою только матеріалъ для будущаго описанія Печоры.

І. Общія свѣдѣнія о Печорскомъ краѣ.

Печорскій край занимаетъ восточную часть Архангельской губерніи, и его огромная площадь не можетъ быть въ точности опредѣлена, за отсутствіемъ точныхъ съемокъ. Приблизительно она занимаетъ пространство въ 26 милліоновъ десятинъ или около 250.000 кв. верстъ, представляя собой равнину, прорѣзанную кое-гдѣ небольшими горными хребтами и возвышенностями. Главной рѣкой края и почти единственнымъ способомъ сообщенія является Печора, рѣка Пермской, Вологодской и Архангельской губ., длину теченія которой предполагаютъ отъ 1900 до 2000 верстъ. Протягиваясь съ сѣвера на югъ, этотъ край естественно не можетъ носить вездѣ одинаковый характеръ, и природа береговой линіи очень отличается отъ болѣе континентальныхъ его частей. Сѣверный Ледовитый океанъ, омывающій его, далеко удаленъ отъ теплаго теченія Гольфштрема, и расположенная вблизи холоднаго, негостепріимнаго моря часть Печоры обладаетъ очень суровымъ климатомъ. Лѣто вообще длится не болѣе 2—2¹/₂ мѣсяцевъ въ году (съ половины іюля до половины сентября), и въ это время

здѣсь царятъ туманы, дожди, холодъ и свирѣпыя сѣверные вѣтры, причина которыхъ—открытость вѣтрамъ доступа съ океана, гдѣ образуется много льдовъ, иногда не вполне тающихъ до конца лѣта. Впрочемъ, и въ этой суровой странѣ среди дождей и сильныхъ сѣверныхъ вѣтровъ бываютъ внезапно жаркіе дни, но это бываетъ рѣдко и ненадолго. (По даннымъ пустозерской метеорологической станціи ясныхъ дней въ 1901 году было только 19, въ то время какъ пасмурныхъ было 244). Ясныхъ и тихихъ дней—немного, и будничныи видъ печорской природы унылъ, печаленъ и непривѣтливъ. Приводимая таблица даетъ понятіе о состояніи погоды въ Пустозерскѣ, находящемся подъ 67°32' с. ш. ¹⁾).

Мѣсяцы.	Число дней въ 1901 г.			
	Снѣгъ.	Ясно.	Пасмурно.	Буря.
Январь . . .	21	3	18	4
Февраль . . .	20	1	11	2
Мартъ . . .	20	1	21	7
Апрѣль . . .	13	3	20	15
Май . . .	9	2	20	12
Іюнь . . .	2	4	11	2
Іюль . . .	0	0	20	6
Августъ . . .	0	1	25	6
Сентябрь . . .	14	0	26	3
Октябрь . . .	9	0	23	7
Ноябрь . . .	22	0	16	8
Декабрь . . .	13	4	13	2
Итого. . .	133	19	224	74

¹⁾ Лѣтопись Николаевской главной физической обсерваторіи. Изд. 1903 г.

Берега моря, покрытые до начала лѣта стоящими льдами, также холодны, суровы и негостепримны, представляя собой только голыя, сѣрыя скалы, ненадолго покрывающіяся мхами и ползучей березой.

Дальше тянутся безконечныя плоскія пространства, такъ называемыя тундры, покрытыя болотами, лишаями, мхами и мелкимъ ивнякомъ. Южнѣе начинается уже ель съ тощей березой, еще южнѣе появляется сосна, а тамъ уже дремучіе лѣса или, какъ ихъ называютъ „тайболы“, которыхъ насчитывается до $10^{1/2}$ миллионъ десятиль.

Если и лѣто въ Печорскомъ краѣ холодно, то длиною зимой, которая тянется почти 7 мѣсяцевъ, бушуютъ еще и снѣжныя метели или пурги, продолжающіяся нерѣдко по 2—3 недѣли и свирѣпствующія въ особенности въ сѣверной половинѣ уѣзда и его тундренной части.

Естественныя богатства Печорскаго края, какъ и вообще сѣвера Россіи, остаются еще до сей поры весьма мало обслѣдованными. Столь же невыясненной остается и самая возможность ихъ эксплуатаціи. Въ этомъ отношеніи никакого положительнаго мнѣнія еще не установилось, и существуетъ только рядъ совершенно противорѣчащихъ другъ другу отзывовъ. Одни указываютъ, что Печорская область, какъ и весь нашъ сѣверный край, не можетъ принести никакой пользы государству, что здѣсь даже почти невозможно жить людямъ, и онъ представляетъ собою лишь мертвое царство, гдѣ господствуетъ холодъ, скитаются звѣри, и гдѣ жалкіе люди еле влачатъ свое несчастное существованіе. Такого мнѣнія держатся многіе ученые и особенно представители мѣстной администраціи. Такъ, адмиралъ Литке, производив-

шій въ 20-хъ годахъ изслѣдованіе сѣвернаго моря, пришелъ къ заключенію о невозможности отпустить черезъ устье Печоры моремъ къ Архангельскому порту даже такой товаръ, какъ корабельный лѣсъ; контръ-адмираль Крузенштернъ, занимавшійся тоже изслѣдованіемъ устья Печоры, нашель также, что „путь для торговли черезъ устье Печоры, за льдами въ ономъ, непроходимъ“. Въ своемъ отзывѣ министру финансовъ о проектѣ развитія промысловъ архангельскій губернаторъ, маркизь де-Траверсе (1842 г.), говорить: „полезнѣй будетъ улучшение промысловъ и вообще развитіе въ сѣверномъ краѣ промышленности оставить въ настоящемъ положеніи“... Мнѣніе архангельскаго вице-губернатора Сафонова, высказанное въ Вольно-экономическомъ обществѣ (1867 г.), таково: „Какимъ образомъ заключимъ мы контрактъ съ природой, чтобы почва, которая тамъ климатическими условіями осуждена на бездѣйствіе, сдѣлалась бы лучше, чтобы зима сдѣлалась короче, морозы легче и, наконецъ, чтобы тамъ можно было водворить какой-нибудь живой элементъ. Еслибы была малѣйшая возможность, тогда страна эта не осталась бы пустыней. Надѣяться, что тамъ разовьется рыбный промыселъ, чрезвычайно трудно: берега сѣвернаго моря принадлежать къ пустынямъ, къ безнадежнымъ на будущность мѣстамъ. Тамъ борьба съ природой едва ли выносима для человѣка. Желать развитія торговли, промышленности, какой бы то ни было, въ особенности увеличенія населенія, значить желать невозможнаго, потому что населеніе двигается туда, гдѣ благопріятствуетъ ему почва и климатъ. Никакія искусственныя мѣры не помогутъ“...

Еще болѣе безнадежное мнѣніе высказываетъ и началь-

ниѣ экспедиціи для изслѣдованія въ сѣверномъ морѣ рыболовства и звѣроловства—дѣйствительный статскій совѣтникъ Данилевскій (1868 г.). „Сѣверное море, говоритъ онъ, бѣдно рыбой, потому что оно не представляетъ такого разнообразія видовъ, сравнительно съ южными теплыми морями; въ сѣверномъ морѣ притоѣтъ питательныхъ веществъ малъ, и потому тамъ питаются рыбѣ нечѣмъ“... „Что же касается до морского звѣроловства, добавляетъ онъ, то нужно радоваться превращанію этихъ промысловъ, вслѣдствіе несчастій отъ этихъ промысловъ“... Министерство государственныхъ имуществъ, въ свою очередь, подрѣпляетъ это мнѣніе, указывая на то, что „только люди, не имѣющіе естественно-научныхъ свѣдѣній и не сильные въ зоологіи, могутъ возобновлять предложенія о поѣздкахъ за морскими промыслами на Новую Землю и Шпицбергенъ. Поѣздки эти были неправильнымъ промысломъ, были своего рода азартной игрой, гдѣ ставкою была жизнь человѣка. Упадокъ этихъ промысловъ свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что миновали неестественныя условія, которыя заставляли сѣверянъ заниматься рискованнымъ и мало прибыльнымъ дѣломъ и лишали возможности употреблять свои труды болѣе вѣрнымъ и болѣе экономическимъ способомъ“.

Такихъ отрицательныхъ отзывовъ о естественныхъ богатствахъ сѣвера и самой возможности и даже желательности ихъ эксплуатаціи можно было бы привести очень много. Но существуетъ не менѣе многочисленный рядъ отзывовъ совершенно противоположнаго направленія, выдающихъ въ Сѣверномъ краѣ источникъ естественныхъ богатствъ съ мѣсторожденіями металловъ и полезныхъ минераловъ—золота, мѣди, желѣза, каменного

угля, графита, нефти и др., — которые, однако, при всемъ своемъ богатствѣ, ничто по сравненію съ моремъ, представляющимъ собою безконечную и богатѣйшую пашню, которую никогда не нужно засѣвать, а ежегодно пожинаать. Противъ мнѣнія официальной комиссіи, утверждающей, что въ сѣверномъ морѣ рыбы мало, потому что притокъ питательныхъ матеріаловъ здѣсь недостаточенъ, и самые морскіе промыслы для русскаго человѣка опасны, оптимисты указываютъ на то, что сѣверный край создалъ опытныхъ и смѣлыхъ русскихъ моряковъ, и что если ученые люди и опытные администраторы создали себѣ неправильныя мнѣнія, то сама практика жизни ихъ опровергла. Уже вскорѣ послѣ заявленія адмираловъ Литке и Крузенштерна о невозможности морского сообщенія черезъ устье Печоры, вопросъ этотъ практически разрѣшенъ купцомъ В. Н. Латкинымъ, и отъ 1860 по 1866 годъ 23 корабля — англійскіе, французскіе, прусскіе, голландскіе и американскіе — свободно сюда приходили. Въ самомъ же Сѣверномъ морѣ, какъ показываетъ опытъ промышленниковъ, не только нѣтъ недостатка рыбы, но оно богаче и цѣннѣе всякаго другого моря, всякой другой земли, вознаграждая въ изобиліи трудъ человѣка настолько, что вопросъ о матеріальномъ существованіи массъ населенія Россійской имперіи былъ бы разрѣшенъ, если бы правительство обратило свои средства на эксплуатацію богатствъ сѣвернаго (края) моря, гдѣ неурожаевъ не существуетъ, и одной треской можно было бы пропитать безъ затрудненій все населеніе Россіи. Какъ иллюстрацію къ мнѣнію оптимистовъ позволю себѣ привести изъ книги Макси-